

(1)С работы в этот раз Нина возвращалась поздно.

(2)Дверь почему-то оказалась открытой, в темной комнате было холодно, плита не топилась; за столом, кинув на клеенку руки, сидела Евгения Ивановна в ватнике и платке, смотрела на холодную плиту.

—(3)Что это вы в темноте? — спросила Нина.

(4)Евгения Ивановна не взглянула в ее сторону.

(5)Нина вышла, раздалась, принялась растапливать плиту и все оглядывалась на Евгению Ивановну — та сидела все так же неподвижно, изредка роняя:

—(6)Вот беда-то...

(7)Свое «Вот беда-то» она проговаривала так обычно и нестрашно, как проговаривают по привычке, когда никакой особенной беды нет, и Нину тревожили не слова, а эта напряженная поза и глаза, которые никуда не смотрели, хотя были открыты.

(8)Она чистила картошку, мыла ее, ставила на плиту и все кружила, кружила словами и все думала: где и какая беда, уж не передавали ли чего по радио? (9)Что-нибудь про Сталинград или Ленинград?.. (10)И тут ей показалось, что Евгения Ивановна улыбнулась, в черном оскале блеснули металлические коронки, и задохнувшийся голос забормотал бессмыслицу:

—(11)Вот тебе и гривенники... (12)Вот и гривенники...

(13)Теперь Нине стало по-настоящему страшно. (14)Она выскользнула тихонько в сени, оттуда, боясь стукнуть дверь, — во двор, побежала к Ипполитовне.

—(15)Пойдемте к нам. (16)Там тетя Женя чего-то... (17)Сидит... (18)Она вроде не в себе, помешалась. (19)Я боюсь...

(20)Старушка пошла, держась за стенки, перехватываясь руками, Нина поддерживала ее.

(21)Евгения Ивановна все так же сидела лицом к плите и не взглянула на них, только опять выхватила гребенку, раз-другой поскребла по голове.

—(22)Ты чего это, в одеже — с порога окликнула Ипполитовна, а Евгения Ивановна будто и не слышала, только заелозила шершавыми ладонями по клеенке, как будто сметала крошки. (23)Припадая на ноги, Ипполитовна подошла, тяжело опустилась на стул, взяла ее за руки, потянула к себе.

(24)Евгения Ивановна осмысленно посмотрела на неё, сдвинув брови, как будто силилась и не могла понять обращенные к ней слова.

—(25)Сон-то, сон мой вещей — больным, переливчатым голосом выкрикивала Евгения Ивановна, — (26)Мужики мои вон... —(27)Она упала головой на стол, стала перекатываться лбом по клеенке. —(28)Мужа убили!.. (29)А Колюшка, сын — без вести...

(30)Нина зажала рот рукой, увидела, как сразу уменьшилась, осела Ипполитовна, будто растеклась по стулу, и как некрасиво раскрылся ее запавший рот.

(31)Ипполитовна постепенно оправлялась от испуга, приходила в себя и уже скребла маленькими пухлыми руками по спине Евгении Ивановны.

—(32)Ты погоди, девка... (33)Сразу-то не верь. — (34)Она оглядывалась на Нину, словно ждала подмоги. (35)А Нина стояла, вся съежившись, чувствуя себя почему-то виноватой перед этим горем, и ничем помочь не могла.

—(36)Ты погоди... (37)Похоронки-то кто пишет? (38)Писаря. (39)А они при штабах, там бумаг страсть сколько... (40)Вот и попутали. (41)Вон и Нинка скажет, она грамотная.

(42)Нина молчала. (43)А Евгения Ивановна со стоном перекатывалась лбом по столу, гребенка выпала из ее волос, волосы рассыпались, липли к мокрым щекам. (44)Вдруг она оторвала голову от стола и замерла, вроде к чему-то прислушиваясь. (45)Пошарила в карманах ватника, вытащила бумагу, всхлипнула, подала Нине.

(46)Нина прочитала. (47)Эта бумага была из горвоенкомата, ей значилось, что, по наведенным справкам, рядовой Завалов Николай Артамонович погиб в декабре 1941 года,

а младший сержант Николай Николаевич с ноября 1941 года числится в пропавших без вести.

(48)И опять Евгения Ивановна стала плакать, припав головой к столу.

—(49)Ну, дак что? — и тут нашлась Ипполитовна. —(50)Нюрку Милованову знаешь? (51)Энту, с Кирпичной?.. (52)Пришел мужик домой без ноги, а через месяц на него похоронка, сам и получил... (53)Война большая, сколько людей в ней, кого и попутают...

(54)Евгения Ивановна притихла, только изредка всхлипывала, конечно, ничему этому она не верила, смотрела и слушала просто так, для последней душевной зацепки, чтобы смирить первое горе.

(55)А Нина думала о Луке из пьесы «На дне», про которого все говорят, что он жулик и вредный утешитель... (56)А Нина видела его доброту, ведь он один пожалел умершую Анну, за это она любила его. (57)И сейчас думала, что в жизни нельзя без утешителей, иначе сломается душа; страшную правду надо впускать постепенно, придерживая ее святой ложью, иначе душа не выдержит... (58)Даже металл не выдерживает огромного одноразового удара, а если нагрузку распределять порциями, металл будет жить долго, до последней усталости... (59)А человеческая душа — не металл, она хрупка и ранима...

(По М.В. Глушко)